ИСКУССТВО СПОРИТ С ВЕЧНОСТЬЮ...

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ
ВЫ ПРОЧТЕТЕ:

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ САДОВОДЕ Н. Н. МОИСЕЕВЕ

* * *

ГДЕ ЖИВЕТ СИНЯЯ ПТИЦА

* * *

О РЕБЯЧЬЕЙ ЩЕДРОСТИ И ЖАДНОМ БУХГАЛТЕРЕ

* * *

КАК ПО СЛОВУ РУБЯТ ТОПОРОМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАЗАК УНИВЕРСИТЕТІ

18 ИЮНЯ 1966 г.

№ 20—21 (666—667) | Орган парткома, ректората, комитета комсомола и профкома Казахского государственного университета им. С. М. Кирова | Цена 2 коп.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Чтобы понять язык современной музыки, да и не только современной, надо быть эстетически воспитанным. Это зависит от самого человека, от его желания. Однажды я встретила шумную компанию, которая выходила из общежития. «Вы в филармонию?» — спросила. Они сначала удивленно посмотрели на меня, потом расхохотались: «За кого ты нас принимаешь!». Меня словно кто грязью облил. Я с ужасом посмотрела на них. Оказывается, они выше Шестаковича, Глинки, Листа, Берлиоза, Бриттена, а я позволила себе такую шутку в их адрес! Но кто же виноват в том, что они не научились до сих пор понимать и слушать серьезную музыку? Воспитывали их дома, учили в школе. Родители, вероятно, выключали радиоприемник, когда звучала симфония или отрывки из опер, считая эту музыку «невосприимчивой». В школе мало рассказывали о замечательных композиторах трех последних столетий. В вузах на эстетическое воспитание смотрят постольку поскольку. Так о чем сможет рассказать современный учитель, если он на студенческой скамье пренебрежительно заявляет: «Симфония? Я ее не понимаю (еще страшнее: не хочу понимать). Серьезная музыка не по мне». Как воспитать в нем любовь и уважение к симфонической музыке, чтобы она стала его частицей жизни, его необходимостью? Чаще всего любитель серьезной музыки воспринимает ее только эмоционально. Если мелодия ласкает ухо, то музыка, по его мнению, хорошая, а если нет, то он отрицает необходимость ее существования. А музыку надо воспринимать не только эмоционально, а и аналитически. Разумеется и среди музыкальных жанров, как и среди книг, есть очень трудные произведения, которые необходимо несколько раз прослушать, прежде чем понять. С книгой проще — ее можно тут же перечитать, обратить особое внимание на наиболее важные абзацы, притом, даже редкие книги можно достать в библиотеке. Совсем не так с музыкой. Прослушал на концерте симфонию, пока шел домой, забыл о чем она, вот тут бы еще раз прослушать ее, но где? В магазине очень трудно найти нужное произведение, а чаще его вовсе нет. А если случайно найдешь пластинку, то надо искать проигрыватель.

Маркс говорил, что «только музыка пробуждает музыкальные чувства человека, для немузыкального уха самая прекрасная музыка лишена смысла».

Говоря все это, я хочу обратить внимание на созданное в университете «Общество семи муз». Хорошая инициатива ребят позволила студентам познакомиться с произведениями Равеля, Стравинского, прослушать оперу Леонковалло «Паяцы» по грамзаписи, познакомиться с артистами Казахского академического театра драмы. Но план проведения мероприятий носит все-таки разрозненный характер. Необходимо свои занятия целенаправить. Познакомить студентов с произведениями западной классики 18, 19, 20 веков, русскими, советскими. Обратить на особенности и новаторство каждого композитора. Разобрать наиболее трудные произведения вместе с аудиторией. О многом надо подумать и решить. Привлечь в «Общество семи муз» как можно больше не только слушателей, но и непосредственно участников, энтузиастов, пропагандистов.

З. ВОБЛИКОВА.

Цветы и голуби

И вот идет по городу ребенок
С большою, вроде тыквы, головой
Среди людей, автомашин, лебедок,
Рискуя словно на передовой.
Гудки машин — ему, как звуки лютен.
Идет на них неведеньем храним...
Как верует он в то, что абсолютен
Его покой! Мы трусы перед ним.

Е. ВИНОКУРОВ.

ПРОПИСАН НА МАНГЫШЛАКЕ

Е. ЛОГВИНОВ.

В НЕУМЕЛО заправленной гимнастерке он стоял у дверей теплушки и кому-то махал пилоткой. А может быть, и всем: перрон забит провожающими. Крики, пьяные песни, надрывный бабий плач, разгульная трель «Саратовской». Где-то из этого круговорота людей, песен и плача вырвался голос:

— Коля-я..., Смотри... Ко-ленька..., — и оборвался с паровозным гудком. А может быть, не ему? Сколько их, Колек, Колей и Николай Никитычей потряхивают колеса на стыках, уносят по дороге к войне.

А мимо проплывали яблоневые сады, виноградники. Он с тоской провожал взглядом убегающие деревья. С ними связана вся его жизнь. Там, в Алма-Ате, на территории агробиологической станции КазГУ он заложил громадный питомник. Вчера он последний раз проходил по его аллеям...

Такое не забывается, — когда высоко в небе поет жаворонок, а ты его не слышишь — рвутся мины. Такое не забывается, — когда тебе грезятся сады, а рядом с оторванными ногами умирает друг.

Такое не забывается, — когда уже мирная очередь автомата высекла твой победный автограф на полуразрушенной стене. Такое не забывается, — когда Николай Никитич пропахшим порохом руками снова взял в руки яблоневый черенок и руки задрожали от счастья.

Ему сейчас 70 лет.

Говорят, что для любви, настоящей, огромной, жизнь слишком большой отрезок времени. Николай Никитич Моисеев развенчал эту теорию. С годами его любовь к садоводству не исчезла, даже не ослабла. Наоборот — стала сильней, одухотворенней, осмысленней. Может быть, это и сделало его известным.

И уже много лет, каждый день почта приносит ему груду писем. В них просьбы выслать черенки плодовых деревьев. Николай Никитич с радостью идет навстречу далеким незнакомым друзьям.

Недавно апорт прописался даже в таком месте, где природа скупой горстью отмерила воды, но как хлебосольная хозяйка, разбросала пески, сухие ветры, да жгучее солнце. Это место — полуостров Мангышлак.

Мало кто знает, что наш алма-атинский апорт является родным сыном воронежскому. Еще в прошлом веке переселенцы из центральной России завезли его саженцы в предгорья Семиречья. Одна яблонька досталась отцу Николая Никитича, который размножил и распространил черенки по всей округе.

К своему семидесятилетнему юбилею Николай Никитич представил Всесоюзной государственной комиссии на оформление нового патента новый сорт яблок — апорт-5. Несколько десятков лет потребовалось Николаю Никитичу, чтобы вывести этот сорт, который по своим биологическим и вкусовым качествам значительно превосходит все ранее выведенные сорта апорта.

Алма-атинцы гордятся своим замечательным садоводом. Мы, студенты КазГУ, гордимся вдвойне. Ведь первые шаги селекционера, первые победы Николай Никитич отмечал в Ботаническом саду нашего университета. В саду, где каждое деревце посажено его руками.

По представлению КазГУ яблоки Моисеева демонстрируются сейчас в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства.

Алма-атинский апорт — участник многих выставок. На одной из последних в Лейпциге он конкурировал с ценнейшими «золотыми» сортами и вышел победителем, получив награду — Большую Золотую Медаль.

Когда май, когда сады в буйном цветении — поднимитесь на Веригину гору, посмотрите вокруг: по предгорьям Ала-Тау, словно пух, плывет бело-розовая кипень. Это сады протягивают солнцу свои ладони. Ладони, согретые теплым и светлым сердцем Николая Никитича Моисеева.

Материалы номера подготовлены студентами третьего курса отделения журналистики под руководством Ю. А. КРИКУНОВА.

Номер выпустили студенты Анатолий НОВИКОВ и Евгений ЛОГВИНОВ.

Фотоснимки Э. БАЙДИЛЬДИНА и Е. ЛОГВИНОВА.

Художественное оформление А. НОВИКОВА.

В мире прекрасного

Бывает так. Рассказывая о своих друзьях, о себе, девушки кладут на столы пухлые, тяжелые альбомы, часто из жеваного плюша, который предназначен, главным образом, для собирания пыли. Эти самые альбомы пестрят разноформатными открытками с любимыми артистами, цветами, которые они покупают в день стипендии в ближайшем к университету киоске, и затем наряду с фотографиями пап, мам и подружек составляют главное содержание альбомов. Как будто все мило... Недавно у трех подруг в альбомах мы увидели такое, что глазам своим не поверили — в них оказалось много грубо раскрашенных открыток, то что называют творениями базарных художников. Каких только сюжетов тут нет: целующаяся парочка удобно устроилась в бутоне розы; лысая жена на мотоцикле догоняет лысого мужа; подкова счастья: барометр влюбленных (?) и т. п. К некоторым открыткам сделаны и вирши, сочиненные на уровне людей каменного века: «Одно сердце я имею, и то дарю его тебе», «Наперед не угадаешь, с кем судьбу свою найдешь!», «Сердцем и душой всегда с тобой».

В некоторых комнатах на подоконниках мы увидели бумажные цветы с проволокой, восковые букеты на тумбах. У девушек очень много кружев, вышивок. В отдельных комнатах у юношей стены сплошь оклеены афишами «Казахконцерта», содранными с заборов или рекламных щитков. На многих стенах одни и те же репродукции «Трех богатырей», Васнецова, которые раньше мы видели и в школьных вестибюлях, и в фойе городских бань. Юристы нашли оригинальный выход из положения — целая стена украшена цветными вырезками на политические темы из журнала «Огонек».

Мы, члены совета «Общества семи муз», много думали об этом, не раз обсуждали вопросы, связанные с эстетикой быта, и решили организовать совместно с дирекцией художественных выставок Министерства культуры тематическую выставку «ИСКУССТВО — В БЫТ».

Вступительное слово сделал проректор КазГУ, кандидат философских наук К. Г. Ахметов. Об экспонатах, о роли прикладного искусства в нашей жизни интересно и живо рассказали искусствовед Алевтина Петровна Калинина, художник Нина Ивановна Католикова. В последний день работы выставки к нам в гости пришла старейший художник республики Елизавета Антоновна Говорова.

За пять дней выставку посетили 652 человека — студенты, аспиранты, преподаватели, сотрудники университета. Были гости и из других вузов, научных учреждений. Среди них оказались и счастливчики — 300-му, 400-му и 500-му посетителям вручены памятные сувениры — прямо с экспонатов выставки. Например, студентка 4 курса филфака Галина Феоктистова получила изящную керамическую вазу и приглашение бесплатно посещать все вечера и концерты «Общества семи муз», а первокурсница из истфака Жаксан Жанибекова награждена огромным кувшином.

В книге отзывов осталось очень много теплых записей. Вот некоторые из них. В. Исарев: «Очень хорошо, похвально, весьма поощрительно то, что на устройство такой выставки исторический факультет находит и время, и желание». В. Миронова: «Бывает много выставок у нас в университете, но такая, как эта, устраивается впервые. Простота и изящество форм представленных экспонатов радует глаз. Хочется скорее увидеть их на полках наших магазинов». Запись от имени филологов: «Искренне восхищена неутомимой деятельностью, творческой выдумкой членов «Общества семи муз». Желаю еще больших успехов в работе. Г. Ф».

Конечно, нам очень приятно и дорого такое дружеское отношение к нашим вечерам.

До новых встреч, друзья!

Бахтажар МЕКИШЕВ.

ПРОБЛЕМЫ МАССОВОГО ТВОРЧЕСТВА

ЕСЛИ бы на хор записались комсорги, профорги, группорги и прочие наиболее видные общественные деятели факультетов, то этого хватит, чтобы оправдать лозунг «ДАЕШЬ МАССОВОСТЬ».

Слов нет — массовость нужна. Но этот лозунг не должен осуществляться путем какого-то «процентного отчисления» от общего числа студентов университета в художественную самодеятельность. К нашему стыду, в университете подобные отчисления еще культивируются. Результат? Многие участники хора плохо знакомы даже с элементарными правилами музыки. От этого, как правило, страдает качество, которое можно было бы улучшить в первую же репетицию, отпустив тех, кого пригнали отбывать принудиловку. Но тогда опять проблема: руководитель рискует остаться один на один с кем-нибудь из активистов.

Начну с нового учебного года. Кончены полевые работы. Студенчество в сборе. Многие уже записались в кружки. Вакансии остались только в кружках художественной самодеятельности.

Канун Нового года.

Где-то и как-то нашли руководителя хора. За работу! На полную мощность включен профкомовский реактор. Ищут студентов в хор, осаждают деканаты. Но звонки и личные просьбы разбиваются о мудрые изречения мудрых мужей и дам: «Мы что сюда петь пришли или учиться?».

Безусловно, в деканате должны следить за успеваемостью студентов, но не настолько, чтобы воспитывать в нем чувство боязни возмездия за участие в кружках художественной самодеятельности.

Исключением из этого является, пожалуй, декан исторического факультета. Он строго следует мудрому правилу: художественная самодеятельность — одна из основных граней воспитания студента, одна из основных работ декана.

Обучить всегда легче чем воспитать, так как методика обучения у нас разработана удовлетворительно, а квалифицированного читателя, ценителя, человека тонко чувствующего искусство надо вос-пи-тать.

Если открыть первые странички истории университета, то можно ясно увидеть насколько стала беднее университетская самодеятельность сегодня. И немалая доля вины в этом деканов.

Но вернемся к репетициям.

Отзвучала песня «Карнавальная ночь», Новый год вступил в свои права. Оптимистичного руководителя сменил почему-то новый оптимист, новые члены культсектора по традиции старых стоят в дверях репетиционного зала: вдруг кто сбежит.

Несмотря на мрачность, актовый зал мехмата напоминает зимний день. Много света и столько же холода. Звучат леденящие душу голоса певцов. Перерыв. Многие выбежали прогреться на улицу, кто-то, не выдержав, все-таки сбежал. На следующих занятиях ряды хористов стали менее плотными.

Многие студенты недовольны тем, что часто меняются руководители. Но это, по-моему, разговоры субъективные. Представьте себя на месте руководителя хора. Вы планируете репетицию. Ваша цель — создать хороший коллектив. Но на первых же занятиях вас ожидает огорчение: студентов мало. Часок «поработали» и ушли в надежде, что вторая репетиция пройдет так, как вы задумали. Но увы, ваш оптимизм превратился в розовые мечты. И руководитель уходит. Это первое объяснение текучести. Второе — сезонность. Можно ли за 3—4 месяца сделать хороший хор? Нельзя. Невозможно.

В университете очень много способной молодежи, и если всем отнестись к тому же хору не по сезонному, то с нами вряд ли может соперничать какой-либо вуз республики.

Слава и гордость любого вуза — это его воспитанники. И они не должны нести в себе бациллы безразличия.

А. КАРГАПОЛОВ.

ГРАЦИЯ

ПОЙМАТЬ СИНЮЮ ПТИЦУ

Не требуется больших усилий сказать, что воспитание — это вещь, и отбарабанить призывы: «Товарищи деканы! Да здравствует наш советский студенческий хор!»

Мне кажется, после этого наивно думать, что студенты во главе с деканами построятся по территориально-факультетскому признаку в колонку по четыре и замаршируют не только на хор, но и сдирать шкуру с Большой Медведицы. Лозунги произносили и три года назад, и в прошлом году, и комитет комсомола с профкомом включали «реактор», но дело не двигалось. В чем причина?

Многие слушали выступление нашего хора на концерте-смотре и, вероятно, подумали: «А ведь в этом году он звучит гораздо лучше, чем в прошлом». Да, лучше! И причина не в том, что студенты вдруг узнали, что песня — спутник молодых сердец.

Пришел новый руководитель — большой музыкальной культуры, влюбленный в свое дело человек. Могут возразить: «Ну и что же. Все равно бегали, звали, даже угрожали». Да, это было. Но было и другое, незаметное на первый взгляд, но основное, главное в работе художественного руководителя Бориса Михайловича Ляшко — работоспособность, оптимизм, терпение, чуткое отношение к вокальным возможностям каждого хориста. Не будь у него этих качеств, — даже самые суровые приказы деканов не помогли бы нашему хору заработать на смотре столько лет жданную оценку — «удовлетворительно».

Как, например, работали руководители хора в прошлом году?

В профком заходит респектабельный, средних лет мужчина. Представляется. И давай нашептывать очень увлекательные слова председателю профкома А. Молодцеву: «Да я..., да мы..! Да через несколько месяцев Государственную хоровую капеллу заткнем за пояс. Дайте только массовость». Тов. Молодцев и подумал: «Черт его знает... Вдруг и в самом деле... заткнет».

Массовость обеспечили. Но через несколько месяцев, обнаружилось, что хористы поют, мягко выражаясь, плохо. Респектабельного же вида мужчина никакой не руководитель, а самый заурядный проходимец, у которого познания в теории музыки и дирижирования сводились к тому, что когда-то, кто-то придумал ноты, но какая разница между «фа» и дворнягой его соседа — одному богу известно, что когда поет хор, нужно, по примеру утопающего, махать руками. Поэтому на смотре сто с лишним человек стояли на сцене и смотрели, как члены жюри в блокнотах выводили какие-то неприятные знаки.

В этом, по-моему, и крылась «синяя птица» хоровой проблемы. Я говорю «крылась», потому что сейчас у нас есть все возможности без частых, ненужных звонков деканам, без расточительного включения «реакторов высокого ранга» поймать эту птицу и заставить ее работать.

Сейчас у нас хороший руководитель, есть любители хорового пения. Это ничего, что их немного. Они сделают первый шаг, дороги каждого протянутся на много верст. В подтверждение этих слов приведу один случай. После очередной репетиции к руководителю подошли несколько человек:

— Борис Михайлович, мы к вам с предложением. Как вы смотрите на то, чтобы в будущем году создать не хор, а вокальный ансамбль в 15—20 человек?

Мысль дельная. Сначала ансамбль, составленный из настоящих энтузиастов. Пройдет время и он «обрастет». Вспомните «Оптимистов». К своему сегодняшнему дню они шли именно таким путем. Два года тому назад собрались ребята со скудным запасом опыта и полными рюкзаками желания, задора. Теперь это сложившийся со своим только ему присущим почерком и звучанием коллектив.

Для того, чтобы вокальный ансамбль стал хорошим творческим коллективом, «определенные усилия» не должны втискиваться в рамки лозунгов и несерьезных обвинений деканов. Почему бы секретарю комитета комсомола М. Бектимбаеву и культмассовому сектору не пригласить руководителя и тех пока немногих энтузиастов хорового пения и не поговорить по-настоящему, по-деловому? Так, чтобы они увидели не только культсекторовское внимание, а почувствовали настоящую творческую ответственность.

Сделайте так. Через 3—4 месяца (вопреки утверждениям А. Каргаполова) ансамбль будет прилично звучать, а ряды безразличных студентов поредеют.

А. УЛАНОВ.

Идея родилась...

Роман вошел в комнату, насупив брови.

— Ты что такой невеселый, словно Иисус Христос..? — спросил его Валерка.

— Скучища у нас в общежитии, ребята. Ужасная. Даже в праздничные дни невозможно отдохнуть хорошо...

— Ну и что ты предлагаешь?

— Я-то? А вот что: надо создать в общежитии художественную самодеятельность.

Как вы думаете, ребята, стоит овчинка выделки?

— Это как сказать. Во-первых, кто пойдет? Да и артисты у нас сам знаешь какие. Смех один...

— А что, можно и попытаться,— оторвав голову от книги, — воскликнул Гриша. — Что ни говорите — искусство... Поэзия!

Действуй!

В профкоме председатель студсовета рассказал про свою затею. Поддержали. Дженис Оспанов где-то раздобыл баян, А. Адильханов — домбру, а девушки — сшили нарядные платья.

И вот первый концерт.

Роман волновался:

— Неужто не соберутся? Опозоримся...

И когда вошел в читальный зал, глазам своим не поверил: свободных мест не было.

Концерт длился больше часа.

А недавно в общежитии № 1 организовали и драмкружок. Руководит им заслуженный артист КазССР Сейфула Телгараев. Ребята готовят пьесу: «Ох, и поведение этих товарищей».

Но кроме всего этого, здесь есть и неразрешенные дела: до сих пор не приобретены музыкальные инструменты, костюмы. А это сказывается не только на организации отдыха, но и на подготовке очередного выступления.

— Хотим взять напрокат музыкальный инструмент — нет денег, — говорит нынешний председатель студсовета Е. Урпеков. — В профкоме— отказ. Что делать?

И действительно, что делать?

Чтобы не дать затухнуть искре, следует более внимательно относиться к хорошему начинанию. Песня должна будить сердца студентов.

К. АЛЬБЕРТИ.

ДЕВЧОНКА И ДОЖДЬ

ДОЖДЬ. Боязливый ветер. Плачущие деревья. Пьяные ручьи. Спешащие тротуары зонтиков. Улицы захлебываются потоками воды...

Девчонка ловит струйки ливня. Подставляет им лицо. Капроновый платок отбрасывает дождинки, прячет косу. Девчонка озорно вертит головой и коса выпрыгивает на дождь.

А дождь не жалеет девчонку, она в его объятиях. Плащ плотно облег девичью фигурку. С живыми огоньками глаз — она светится улыбкой. Кажется, что вместо молнии и грома, она ослепит дождь взглядом и звонким изумрудом смеха, полного торжества и жизнерадостности.

Но, что это исчез дождь. Бросился на лужи ветер. Вздрогнули деревья, утихомирились ручьи. Вздохнули улицы.

Девчонка нахмурилась. В глазах тревога и смятенье. Влажные губы прошептали... Дождь... дождь... не уходи... слышишь, дождь? Я...

День заменил утро. Посветлели и засверкали умытыми троллейбусами улицы. Исчезли грибы—зонтики.

А девчонка все стояла. С тяжелой косы скатывались дождинки. Они разбивались на маленькие искорки и исчезали, блеснув на солнце точно так же, как минуту назад блестели глаза девчонки.

День убыстрял движенье, набирал темп. Проносились машины, разбрызгивая лужи на тротуары. Люди закрывались плащами, шарахались в стороны, куда-то спеша.

А на тротуаре, опустив голову на грудь, по-прежнему стояла девчонка. Она шептала... Дождь... дождь... слышишь, дождь... я...

И никому не было дела до нее. Все также проносились машины, спешили люди...

И мне вдруг захотелось остановить их и крикнуть:

— Люди,... стойте!!! Верните девчонке дождь, люди! Она ведь любит...

Но все также проносились машины, спешили куда-то люди. А на тротуаре все также стояла девчонка. И слышалось... дождь... дождь... слышишь... дождь...

А. ЦАРЕВ.

КРАЙ РОДНОЙ.

Яблоки

РАССКАЗ

Ранней осенью заболел мой друг Костя. Тихим мышонком свернувшись на кровати, он целыми днями смотрел куда-то в одну точку круглыми и тусклыми, как фарфоровые блюдца, глазами.

— И в кого ты такой квелый уродился! —причитала Костина мать.— Господи! У других дети как дети, а у этого все неладно...

Несколько раз приходил толстый, неразговорчивый врач. От него пахло табаком и больницей. Врач барабанил желтыми волосатыми пальцами по Костиной груди. Костя ежился.

— Аппетит у него никудышний, — сокрушалась мать. — В рот ничего не берет.

— Побольше разнообразия, — басил врач. — И, если можно, фруктов.

— Где их нынче взять, фруктов-то? В лавке нет, а на базаре не накупишься.

— Врач молча пожимал пухлыми плечами и скрывался за дверью.

— Костя, — спросил я однажды друга, — хочешь, я тебе яблок принесу?

Костя отрицательно помотал головой.

— Эх ты! — возмутился я. — Яблоки, они знаешь, какие полезные. Их поешь — вмиг выздоровеешь. А потом мы с тобой в Черный Омут за окунями пойдем. Меня вчера Петька звал. Клев, говорит, что надо! Только я с ним все равно не пошел. Нужен он мне, этот Петька! Я лучше тебя подожду.

— А где ты яблок возьмешь? — повернулся Костя.

— Найду! — обрадовался я. — Будь спок! Ты лежи, болей себе на здоровье. Я мигом...

Зеленью наш маленький степной городок похвастаться не мог. Пыльные деревья встречались реже, чем телефонные столбы. Во всем городе был единственный фруктовый сад, да и тот принадлежал бухгалтеру Соснову — мужику непомерно жадному и злому.

Тяжелую садовую калитку медленно приоткрыл сам Соснов. Я просунул голову в щель и сказал, что готов выполнить любую работу, какая только найдется в доме. А за труд пусть мне дадут несколько яблок, которые я отнесу больному товарищу.

— Может, вам надо воды натаскать или еще что, — умолял я. — Вы не смотрите, что я еще не вырос. Я, знаете, какой сильный!

Соснов раздвинул в улыбке тонкие губы. Мелкие морщинки веером разбежались по его лицу.

— Хорошо, — сказал он. — Мне нравится, что ты хочешь заработать, а не украсть. Честность я люблю. Только сознайся, что ты наврал про больного пацана. Тебе самому яблок захотелось. Я вашего брата знаю.

— Честное пионерское! — торжественно сказал я и даже руку поднял.

— Пионерское! — снова ухмыльнулся Соснов. — Ваша пионерия так и норовит на базаре из-под носа яблоко слямзить. Ладно, мне плевать для кого ты стараешься. Пойдем.

— Скоси под яблонями траву, — приказал он, — и сложи ее в одну кучу. Да смотри, не очень-то яблоки жри...

Несмотря на сентябрь, погода держалась летняя. В воздухе кружились золотистые паутинки. От яблонь одуряюще пахло. Иногда налетала струя сухого игольчатого ветра, и тогда с вздрогнувших ветвей в траву мягко падали перезрелые яблоки. Облизывая пересохшие губы, я бережно собирал их и складывал около стволов. Поджаристая кожа яблок легко прогибалась под пальцами.

«Подумаешь, невидаль!— успокаивал я себя, стараясь не думать о вкусе яблок. — Что я, маленький что ли? Сказал, что не съем ни одного, значит, не съем».

Пот лил с меня ручьями. Когда я разгибал уставшую спину, то видел над головой слепящее, румяное, точно яблоко, солнце.

Наконец, трава была скошена. Я пошел к дому. У открытой калитки что-то мастерил Соснов.

— Кончил? — спросил он. — Ну, молодец. Ступай.

— Сколько яблок можно мне взять? — ошеломленно спросил я.

Соснов выпрямился и, подперев руками бока, стал похож на узкий кувшин с двумя ручками.

— Аль не наелся? — нехорошо улыбнулся он. — Еще с собой прихватить хочешь?

— Я же не ел! — крикнул я, и в голосе моем зазвенели слезы.—Честное слово, не ел! Я для Кости...

Соснов схватил меня за плечо и вытолкнул за калитку.

— Пошел вон, пащенок! — буркнул он. — Нечего мне очки втирать.

Злые слезы душили меня, но я не заплакал. Я вытащил из кармана заветное оружие — маленький железный шарик и узкую рогатку с тугой, как тетива лука, резиной.

Всю ненависть, всю силу, все умение вложил я в выстрел по впервые познанной человеческой подлости, олицетворением которой была для меня в этот миг плешивая голова Соснова.

— На! — выдохнул я и спустил резину.

Немало воды утекло с тех пор. Давно уже десятилетние почтительно называют меня «дядя». Но до сих пор в пестром водовороте жизни сталкивает меня иногда судьба с людьми, при виде которых хочется отыскать в кармане старую рогатку. И тогда я с грустью вспоминаю, что рогатка осталась в детстве, а детство, как известно, не повторяется.

В. САМОЙЛОВ.

Постоишь... и покажутся мелкими неудачи иные твои.

ГОЛУБИ

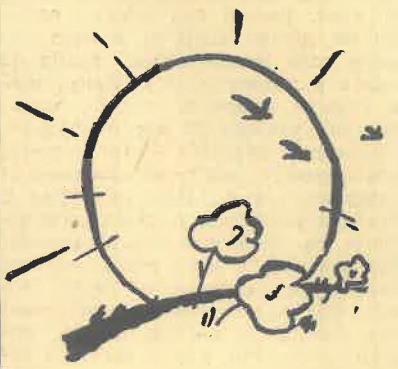
Не спугните... Ради бога, тише!
Голуби целуются на крыше.
Вот она сама любовь ликует —
Голубок с голубкою воркует.
Он глаза от счастья закрывает,
Обо всем на свете забывает...
Мы с тобою люди, человеки,
И при том живем в двадцатом веке.
Я же как дикарь сегодня замер
Пред твоими карими глазами.
Волосы твои рукою глажу —
С непокорными никак не слажу.
Я тебя целую, дорогую...
А давно ли целовал другую
Самую любимую на свете?
Голуби, пожалуйста, ответьте,
Голуби, скажите, что такое?
Что с моей неверною рукою,
Что с моими грешными губами?
Разве так меж вами, голубями?
Разве так случается, скажите,
В вашем голубином общежитье?..

Н. СТАРШИНОВ.

* * *

Нет, мне ни в чем не надо половины!
Мне дай все небо! Землю всю положь!
Моря и реки, горные лавины —
Мои! Не соглашаюсь на дележ!
Нет, жизнь, меня ты не заластишь частью.
Все полностью! Мне это по плечу.
Я не хочу ни половины счастья,
Ни половины горя не хочу!
Хочу лишь половину той подушки,
Где бережно прижатое к щеке
беспомощной звездой, звездой падучей
кольцо мерцает на твоей руке...

Е. ЕВТУШЕНКО.



ЖАВОРОНОК

Прямо в пашне прячется застенчив
А вспорхнет — и целых полчаса,
Вроде окрыленного бубенчика,
Медленно уходит в небеса.
Повисает точкой — невидимкою
И звенит над вашей головой,
Над полями, над прозрачной дымко
Над ковром ромашки луговой...
Льется звон. Столбы равняют лини
Трактора рокочут горячо.
А подпасок смотрит в небо синее,
Перекинув кнут через плечо.

Сергей СМИРНОВ.

* * *

Уже апрель дарил садам тепло.
Автобус подкатил, дождем умытый
Я увидал тебя через стекло
И понял вдруг, что ты не позабыта
Мелькнув, ушел автобус на кольцо
А я стоял, храня твою улыбку.
Нет, я увидел не твое лицо,
А мной давно свершенную ошибку

Старый лес...
Над полями росными
Он стоял, не жалея себя,
И шумит поредевшими соснами,
О подкошенных жизнях скорбя...
Он глядит всеми черными метками
До сих пор не забыв про бои.
Постоишь...
и покажутся мелкими
Неудачи иные твои.

В. МАКСИМОВ.

Могила Саи

Поднявшись к цепочке киризов, Саи присел на камень и повернул слепое лицо в долину, а Али побежал к первому киризу. Они каждый день с дедушкой носили обед отцу и останавливались у этого кириза. Али заглядывал в него и кричал. Из колодца всегда от его крика вылетало много птиц. И на этот раз мальчик вытянул, растопырив, ручонки и свесился вниз.

А Саи сидел, задумчиво поглаживая бороду, чему-то улыбаясь. Наверное, он помнил эти горы и слепота не мешала ему любоваться ими.

Вдруг детский крик заставил старого Саи вздрогнуть.

— Али! — позвал он.

Из глубины донесся слабый стон. Старик ощупал ширину колодца палкой, положил ее поперек и опустился вниз. Упираясь ногами в противоположную стенку, он стал спускаться на дно. Только б удержаться,—думал он. А там... Он знал, что можно проползти на четвереньках от выхода в долину по низкому туннелю, пробитому водой. Это всего один километр. Только б не осыпались стенки!

— Али! Али, — прошептал Саи и полетел вниз. Но дно оказалось совсем близко. Саи присел и стал ощупывать сучья и листья, которые упали вместе с мальчиком. Его рука натолкнулась на ребенка, пальцы нащупали косичку на голове мальчика и поползли вниз по лицу. Когда Саи почувствовал, как вздрогнули веки мальчика, поднес к его рту сосуд с кумысом и влил несколько капель. Через несколько минут Али пришел в себя, и Саи подумал об обратном пути. Он стал ощупывать дно, откидывая мусор в сторону. Колодец был так засыпан, что подземный проход был узок даже для Али. Старик стал разгребать гравий.

— Мне страшно, дедушка!

— Ничего, Али, ничего. Поиграй в гальки, ты же так любишь с ними играть.

— Но я уже не вижу их, дедушка!

Старик оставил работу и стал успокаивать внука. Он открыл баульчик, к счастью оказавшийся с ним, и накормил мальчика. Потом снял с себя верхнюю одежду, закутал ма лыша и уложил его на сухие ветк Когда ребенок уснул, он снова пр нялся за работу. Иногда он отдь хал, прислушиваясь к спокойном дыханию мальчика. Через несколь часов он разрыл проход и, услыша как сверху зашуршал песок, пот щил спящего Али к отверстию ход Только успел он вползти туда, ка обрушилась тяжелая масса песка пополз, ощупывая руками стен туннеля. Дальше было свободне Оставив внука, Саи пополз по каме нистому дну. Мелкие гальки и кру ный песок больно давили колен ладони, локти. Иногда он задева спиной о потолок хода или ударял головой об острые выступы. Он т ропился. Скоро засыпится тот пр ход, в который они вползли. А впе реди еще неизвестно, свободен л выход в долину.

Саи возвращался назад и перета кивал Али. Через несколько часов о почувствовал, что проход сужается Прополз еще несколько метров н животе и окровавленными рукам уперся в стену. Так и есть — обва А там, откуда они только что пр ползли, послышался глухой шум — засыпало вход. Теперь они с обеи концов забиты пробками. Воздух хватит на несколько часов.

Старик вдруг почувствовал голо Потное лицо щипало. С грязно бороды на руки капали бурые пятн Он отполз назад, нащупал баульчи с едой и почти все съел, запив ку мысом. Утолив голод, Саи вдру обессилел. Он забылся, сделал гл

(Окончание на 4 стр.)

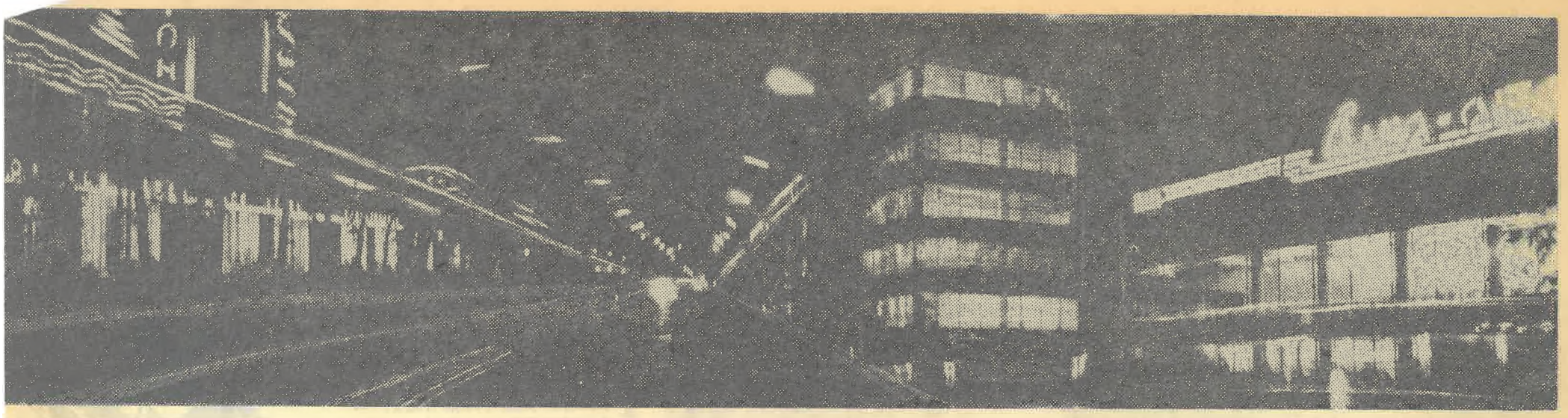
Концертный вальс"

Лариса открыла глаза. Было раннее утро, но еще никто не просыпался, и только по радио лилась нежная, нежная мелодия. Лариса лежала неподвижно. И только слезы постепенно наполняли глаза. Она слушала... Слушала свое любимое произведение.

Вспомнилось первое знакомство с Глазуновым. Нет, не с живым. Лариска улыбнулась этой мысли. Она тогда сидела одна-единственная в большом городе и плакала. Плакала потому, что завалила вступительные экзамены в консерваторию. Лариска пришла в отчаяние. Решила навсегда забыть о музыке. Но... вдруг она вздрогнула, потом прислушалась. Звуки незнакомого произведения доносились из раскрытого окна большого дома, который стоял у сквера. Музыка проникала, уносилась тогда все дальше и дальше, выше и выше. И росло в ней теперь не чувство отчаяния и одиночества, а чего-то еще неизвестного, но хорошего. Уже давно смолкли последние звуки призведения, а Лариска все еще не могла прийти в себя. Так вот и познакомилась она с Глазуновым. Она и раньше знала его балет «Раймонда». Лариска этот балет любила. Но до этого она не интересовалась ни самим композитором, ни его произведениями. Теперь Лариска нашла его портрет, перечитала все книги о нем. Она часто смотрела на портрет Глазунова и думала о его музыке. Каким надо обладать чувством, чтобы писать такую тонкую и до невыразимой нежности музыку! Нет, теперь она никогда не будет приходить в отчаяние. Забыть теперь музыку, как хотела тогда? Теперь Лариска не сможет и дня прожить без нее. Она нужна ей как воздух, как самое дорогое, что существует на свете. Да и с Глазуновым они стали теперь настоящими друзьями. Если что-то не получалось, Лариска шла в мир его музыки. И опять продолжала трудиться. Теперь она уже студентка 3-его курса консерватории. И считается одной из лучших пианисток.

«Труд, труд и еще раз труд — самое главное в успехе любого дела— так учит нас музыка». Эти свои слова Лариска прикрепила ниже портрета Глазунова.

В. ЗИНИНА.



Я вас люблю, ночные города,
Как девушек, застигнутых весною.
Я по бульварам шляюсь до утра,
Обрызганный машиной поливною.

Я вас люблю ночные города,
Вы откровенье тайное такое.
И то, что днем не скажешь иногда,
Вам говорю открыто и легко я.

Я о себе вам молча говорю.
И каменные лбы свои наморща,
Как мудрецы, задумчиво и мощно
Вы слушаете исповедь мою.

И. ВОЛГИН.

КАК ЖИВЕШЬ ВЫПУСКНИК?

ОСТАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

РАБОТА у меня сейчас чисто экономическая. Приходится штуди-ювать экономику. Мои коллеги сме-ются и предлагают полностью пере-лючиться и делать диссертацию кономических наук. Но, увы, гео-рафия мне роднее.

Основную свою тему о националь-ых районах Восточной Сибири вре-енно отложил. Работаю по основ-ым фондам строительной промыш-енности, и еще готовлюсь к III кон-ференции молодых географов Сиби-и и Дальнего Востока. Тезисы воего доклада отправил, будут на-ечатаны. Ха! это мои первые тру-ы...

Порой бывает так, что работаешь ли учишься с человеком вместе, ало того, живешь с ним рядом и е знаешь хорошо, с кем живешь и го он такое? Подобное получилось Анатолием Кириенко. Скромность е позволила ему рассказывать всем о время пребывания в университете том, как он шел и что перенес, режде чем попасть на студенческую камью, хотя путь этот был необыч-ым и трудным. Но главное не прос-о шел, а шел с целью, не забывая ней ни на минуту. Эта цель была оставлена им еще в детстве. Он ил тогда на небольшой железнодо-ожной станции Тюлькубас, что на-одится между Чимкентом и Джам-улом. Сюда я приезжал гостить на етние каникулы к тетке. Помню ашу первую встречу.

Глубокий овраг, по дну которого ыстро несется, гремя камнями, мут-ый горный паводок. Незнакомые естные мальчишки — я держусь от их поодаль — лазают на животе о кромке оврага и кричат что-то в дящую щель.

— Толька, ка-а-нчай! — различаю ясный крик и, осмелев, подхожу ниже к обрыву. Там, внизу, пример-о в двух-трех метрах от воды, ви-ит на веревке худенький хрупкий рнишка, похожий на маятник. пираясь ногами в глиняную стенку, расхаживает влево и вправо по ей, насколько позволяет длина ве-вки, и тоже что-то кричит, изред-ка махая рукой. Наконец, ему надо-едает жонглировать. Он вылазит на-верх и растягивается на зеленой лу-жайке, куда мы подходим все. И ху-денький, хрупкий, этот самый Толь-ка, начинает рассказывать нам о трудностях, которые испытывают геологи и географы, о жизни и путе-шествиях Семенова-Тянь-Шанского, Пржевальского, Арсеньева.

ГЕРОЙСТВО сильнее всех ка-честв делает человека близким и понятным людям, притягивает к се-бе их симпатии. В Тольке меня по-корила тогда искренность. Мы по-дружились с ним. Он стал почти моим кумиром. Я встречал его каж-дое лето, пока мы не подросли и не разъехались в разные концы. Толь-ка, кстати, шел на три класса впере-ди меня. Как-то получилось после, что на долгие годы он пропал из моего поля зрения. Одно время он учился в техническом училище, пос-ле служил в армии, потом снова поступил учиться. И вот однажды— пути живых сходятся — мы встрети-лись вновь. Анатолий заканчивал университет, а я только поступил в него. Он рассказал о своих злоклю-чениях за прошедшие годы, предва-рительно взяв с меня слово молчать хотя бы год, пока он не уедет. Это был рассказ, который взволновал меня, заставил прочувствовать, что можно перенести, чтобы остаться са-мим собой.

Несчастье произошло в конце пер-вого года службы. С утра подразде-ление, где служил Анатолий, гото-вилось к очередным тренировочным прыжкам. В числе многих рядовой Анатолий Кириенко стоял на плацу и ждал команды.

Анатолий в задумчивости глядел в синеву неба и усилием воли заста-влял себя не волноваться. Нако-нец, это ему удалось. Долгожданная команда «По самолетам!» оконча-тельно вернула его в состояние рав-новесия, спокойствия. Он зашагал к люку. Зайдя в самолет, стал вспо-минать все наставления инструктора по прыжкам, свои собственные дви-жения на прежних тренировках. Когда замигала лампочка, следуя примеру остальных, привел в поря-док и без того бывшее в порядке снаряжение. Он был третьим. И вот люк открыт. Бросился в бездну пер-вый, второй. Привычным движением Анатолий выкинулся в пустоту и на-тянул стропы.

— Не угодить бы в лес, — поду-мал Анатолий. И, словно мстя за минутное колебание, внезапный по-рыв ветра, неведомо откуда взяв-шийся, стал сносить всех на лес. Черная полоса быстро бежала под ноги. Примерно с высоты ста метров Анатолий увидел, что лес простерся под ним. Высокие сосны устрашаю-ще расставили свои косолапые вет-ви. Попытка рулить, в надежде отыскать какую-нибудь опушку, не привела ни к чему. Деревья мчались навстречу с невероятной быстротой.

— Каюк!— мелькнула мысль. Ана-толий сложился весь, чтобы легче принять удар, и сжал челюсти.

Последним запомнившимся предме-том был корявый дуб. Анатолий по-чувствовал удар по голове и потерял память. Теплая липкая струйка кро-ви брызнула на лицо и потекла че-рез губы, бороду, за ворот. Он не слышал, как примчалась скорая по-мощь, как сняли его с дерева, не помнил, как его везли. Сознание вернулось в госпитале, куда его по-ложили. Диагноз: ушиб бедра и со-трясение мозга приковал его к пос-тели на долгие дни. Он лежал отре-шенным от жизни. Двигаться он был не в состоянии сам, читать ему не разрешали врачи. Он мечтал о дне выписки, строил планы на будущее.

После относительного выздоровле-ния Анатолия комиссовали. От пережитого остался шум в голове и наставительный совет военного хи-рурга при расставании: «Рекомен-дуем проживать в зоне умеренного климата. Солнце Вам противопоказа-но. И, самое главное, ни в коем слу-чае не занимайтесь умственным тру-дом».

Мечта об учебе в вузе — цель дальнейшей жизни — обрывалась, казалось бы, с этим днем. Позади была школа, техническое училище со специальностью столяра и все.

Иногда и врачи ошибаются. Ко-нечно, если бы они учли характер Анатолия, то, вероятно, категорич-ности в совете как дальше жить, они бы не вносили.

Я сознательно опускаю подроб-ности периода борьбы за здоровье, да, собственно, они ни к чему. Вспо-минать о них —значит бередить ду-шу, былые раны.

Основное в любом деле — конеч-ный результат. Результат Анатолия, пусть пока промежуточный, — тот, что он счастлив, целен.

«География мне роднее», — эти слова будут эпиграфом всей его жизни

В. ПОЛЕЩУК.

ГДЕ-ТО ТАМ ПРИВАЛ.

Могила Саи

Окончание. Начало см. на 3 стр.)

кий вдох. Тело вытянулось. По-едними силами он подтянул руки сложил их на груди. Но вдруг он лышал, как сонный Али почмокал бами и перевернулся на другой к.

Старик перевернулся на живот и полз вперед. На этот раз работать ло труднее: гравий сыпался в про-д и мешал ему. Руки с трудом игались. Голое тело ныло от бо-. Быстрее. Надо успеть, надо ко-ть, пока воздух в проходе еще ть. Худые руки старика выковыри-ли гальки, сгребали вниз и укла-вали по бокам прохода. Саи уже терял счет времени. Когда он е совсем выбился из сил и поте-л было надежду разрушить этот леп, на руки вдруг посыпалась мля и потянул свежий воздух. Он греб мокрый грунт, отвалил боль-й камень и выполз по пояс нару-. У него закружилась голова. ясь, что не успеет вернуться за льчиком, старик, не насытившись ежим воздухом, снова полез в оход. Мальчик еще спал в метрах пятидесяти от выхода в долину. Ста-рик боялся его разбудить и потому перетаскивал его долго и это отняло у него почти все силы. Когда он про-тиснул внука в узкое отверстие на свежий воздух, тело совсем не слу-шалось. Он растянулся на гальках, дрожащими руками нащупал халат, которым был укрыт Али и стал ис-кать кисет. С трудом отыскал ще-поть табаку и сунул ее в рот. У не-го закружилась голова, что-то силь-ное стало давить на глазные яблоки, застучало в висках, голова стала тя-желой. Такой тяжелой, что Саи уже не мог ее удержать и она упала на холодные, острые камни.

Мальчик проснулся от яркого све-та. Протер глаза и вздрогнул. Рядом лежал полуголый грязный с крова-выми подтеками его дед. На губах его запеклась желтая слюна, которая сползала и по грязной седой бороде. Али не узнал его. Он испугался, за-кричал и побежал прочь от страш-ной дыры, в которой наполовину виднелся старый Саи. Но потом, ви-димо, вспомнив что-то мальчик вер-нулся к деду. Он опустился на ко-лени и стал трясти его.

— Дедушка, проснись, дедуш-ка-а... Он стал целовать грязное обезоб-раженное лицо Саи.

— Дедушка, миленький, ты же не умер. Вставай!

И снова старик зашевелился. Отк-рыл рот свежему потоку воздуха. У него уже не было сил говорить. Но в его сознании мелькнула мысль, что мальчик не найдет дорогу до-мой. Тогда он собрал капельки жиз-ни и снова изогнувшись, выполз на-ружу. Обнял внука, нагнул его го-ловку к своему лицу и прошептал:

— Справа скала, как два горба верблюда... когда дойдешь — напра-во тропинка... — голос его совсем затих. Слабыми руками он как скульптор ощупал лицо внука и под-толкнул его в спину. Но мальчик не хотел уходить.

— Ступай!

Али отошел немного и оглянулся. Саи все еще держался на руках. Его бесцветные глаза были влажные, а по грязным щекам текли слезы. «Только б удержаться, думал он, не упасть. Только чтоб не видал Али».

Когда тот обернулся еще раз, ста-рик держался на локтях. Как только затихли шаги мальчика, старик рух-нул на камни.

Ю. ТАРАСОВ.

ТОПОРОМ ПО СЛОВУ

Ломоносов жил в то время, когда было много патриотов.

* * *

От произведений Ломоносова прет русским духом.

* * *

Ломоносов специализировался на одах. Ими он и прославился.

* * *

Химия при Ломоносове начала показывать свои зачатки.

* * *

Он разозлился и наговорил ей нежелательных слов.

* * *

В общежитии происходят без-образия, пьянки, а студсовет по-чему-то не принимает в этом ни-какого участия.

* * *

Онегин сначала был лишним человеком, а потом влюбился в Татьяну.

* * *

Студсовет ходатайствует перед дирекцией магазина о выделении на вечер отдыха сотрудницы для продажи в книжном киоске.

Познакомьтесь с новыми книгами

«Сокровищница великих идей ле-нинизма». Изд. полит. литерат., 1966 г.

Выход в свет полного собрания сочинений В. И. Ленина (55 то-мов) — большое событие в идейной жизни нашей партии. В книге дана характеристика полного собрания со-чинений и особенности этого изда-ния.

«Социализм и коммунизм». Изд. «Наука», 1966 г.

Серия состоит из пяти книг. В них читатель найдет интересный матери-ал о сущности коммунистического воспитания как процесса, определяю-щего развитие духовной жизни об-щества.

«Коммунизм и культура». М. изд. «Наука», 1966 г.

В двадцатом веке рождается но-вый, коммунистический мир, новая коммунистическая культура. Законо-мерностям формирования и развития новой культуры посвящен большой труд коллектива авторов.

«Сергей Прокофьев». Альбом, М. Изд. «Музыка», 1966 г.

В нем широко представлена жизнь музыканта Прокофьева. Перед чита-телем проходит галерея портретов наставников и учителей Прокофьева, его друзей. Особое место занимает дружба с Н. Мясковским, встречи с М. Горьким и В. Маяковским.

«О Колумбе геометрии» — Лоба-чевском, о студенческих годах, о сложном и трудном пути в неизве-данное расскажет Вам книга Тар-джеманова **«Юность Лобачевского»,** Казань, 1965 г.

Эйнштейн А. и **Инфельд Л. «Эво-люция физики».** М., изд. «Молодая гвардия», 1966 г.

На простых примерах, фактах зна-менитые ученые нашего времени зна-комят читателя с основными идеями развития физики. «Прочтите ее—как сказал сам А. Энштейн о своей кни-ге. — То, что я могу сказать о кни-ге, есть в книге».

Г. КОРОСТЕЛЕВА,
библиотекарь.

РЕДКОЛЛЕГИЯ.

УГ01265 **Адрес редакции: г. Алма-Ата, Кирова, 136, тел. 2-13-85. Типолаборатория КазГУ, Советская, 28. Зак. 226**